

Въ родномъ гнѣздѣ.

(Лѣтопись рода Вугдвскихъ).

I.

Я родился въ Пятигорцахъ ¹⁾, но дѣтство свое я провелъ въ деревнѣ Пелеховщинѣ, Кременчугскаго уѣзда. Это было родовое имѣніе моего отца. Тутъ не было того, что мнѣ такъ нравилось въ Пятигорцахъ, и особенно въ Поставмукахъ. Это была гладкая, безводная степь. Ближайшія рѣки протекали верстахъ въ двѣнадцати отъ насъ; тутъ Сула впадала въ Днѣпръ, образуя безчисленные рукава. У устья Сулы раскинулось большое село или мѣстечко Чигринъ-Дуброва, хорошо извѣстное намъ потому, что тутъ же по сосѣдству были наши заливные дуга, или какъ ихъ называютъ по-малорусски „плавни“. Въ старину Чигринъ-Дуброва была мѣстомъ расположенія казачьей сотни Лубенскаго полка. Сотня такъ и называлась Чигринъ-Дубровскою.

Эта гладкая степь имѣла, однако, свои привлекательныя стороны. То тамъ, то сямъ на ней издали виднѣются малорусскіе курганы, и когда вы всходите на такой курганъ „или могилу“, передъ вами открывается необъятная перспектива. Эта головокружительная даль мѣняетъ свой характеръ, свою окраску, свою ясность не только по временамъ года, но и по часамъ дня. Весною, въ то далекое время, это было зеленое царство, испещренное яркими полевыми цвѣтами, а тамъ далеко на горизонтѣ, въ весенней мглѣ, вы замѣчали какое-то волненіе, какъ будто двигались какія-то большія стада.—„Это святой Петръ овецъ говить“, поясняли вамъ старые люди.—„Придетъ Петровъ день и не будетъ больше Петровыхъ овецъ до слѣдующей весны...“

¹⁾ См. „Прекратившіяся родъ“.

Осенью степь окрашивалась яркими тонами скошенных полей и сжатыхъ нивъ. Ёдете вы въ теплый осенній день, и вдругъ вамъ видится вдали, обыкновенно гдѣ-нибудь подъ группою деревъ, большое водное пространство; вода ярко блеститъ, какъ бы отражая солнечные лучи.. Приближаетесь, и все это вдругъ исчезаетъ: это былъ миражъ.

Но и въ теченіе дня степь нѣсколько разъ мѣняетъ свой обликъ. Выйдя раннимъ утромъ, съ восходомъ солнца, и повернувшись на западъ, вы съ изумленіемъ замѣчаете, что передъ вами открывается нѣчто такое, чего вы не видите въ другіе часы дня. Вонъ тамъ, за Сулою, тянется высокій нагорный берегъ; онъ постепенно удаляется, но глазъ вашъ можетъ далеко слѣдить за нимъ и различать стоящія на горѣ церкви, цѣлыя ряды вѣтряныхъ мельницъ, иногда даже сады и избы, спускающіеся по берегу. Днемъ ничего этого не видно, а теперь вы различаете все это въ ясныхъ очертаніяхъ и въ яркой окраскѣ... Вечеромъ, когда солнце склоняется уже къ закату, повернитесь на востокъ, и передъ вами въ чудномъ освѣщеніи выступитъ панорама хуторовъ и селъ съ яркими бѣлыми хатами, рисующимися на густой зелени вишневыхъ садовъ и развѣсистыхъ украинскихъ вербъ.

Въ степи не только дальше видишь, но и гораздо дальше слышишь. Спускается темная зимняя ночь. Все затихаетъ, наступаетъ царство молчанія во всей далекой темной окрестности. Но вотъ гдѣ-то далеко раздается собачій лай. Опытный человѣкъ сейчасъ уже говоритъ вамъ, что это въ такомъ-то казачьемъ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ насъ; и если спустя немного собаки залаютъ ближе, въ Кирьяковкѣ, то сейчасъ же дѣлается предположеніе, что кто-то ѣдетъ къ намъ.—„Некуда больше“,—догадывается Кондрать, нашъ лакей.—„Должно быть Иванъ Григорьевичъ изъ Провозовки“.

И дѣйствительно, смотришь—старый дѣдушка Иванъ Григорьевичъ, въ волчьей шубѣ, съ плотно обмотаннымъ шарфомъ и съ заиндевѣвшимъ мѣхомъ на воротникѣ.

Отецъ мой сердечно радъ дорогому гостю въ такое глухое зимнее время.—„Какъ это вы рискнули, дядюшка, такъ поздно, въ такую темноту и въ такой холодъ?...“.

Но Иванъ Григорьевичъ ничего не боится. Его характерная высокая фигура александровской эпохи показывается въ гостинной, и онъ съ шутливой серьезностью обращается

къ намъ, дѣтямъ:— „А, вотъ они, мои непримиримые партнеры въ мельника!...“

Страшной становится степная зимняя ночь въ мятель, и не то что въ настоящую мятель, а просто когда начинается зимняя мгла, даже въ лунную ночь. Свѣтло а ничего не видно, все гладко и никакихъ мѣстныхъ признаковъ. У насъ рассказывалось много случаевъ, какъ люди сбивались съ дороги въ такое время на очень небольшихъ переѣздахъ. Какъ-то разъ дядя Иванъ Ивановичъ, проведя у насъ вечеръ, выѣхалъ къ себѣ домой въ Вишеньки, всего въ верстѣ отъ насъ, часу въ одиннадцатомъ, а прибылъ домой только утромъ, когда уже стало разсвѣтать. Самъ онъ рассказывалъ, что, проплутавъ порядочно, онъ наткнулся на какія-то избы; показалось, что это хуторъ Посьмашновка, лежащій нѣскольکو въ сторонѣ отъ Пелеховщины и Вишенекъ.— „Ну, теперь дорогу знаемъ, думаемъ себѣ... Поѣхали; казалось рукой подать, а между тѣмъ ѣздили долго. Теперь, кажется, дома. Справляемся, гдѣ это мы? оказывается опять Посьмашновка... И только на этотъ разъ проѣхали, кажется, не забирая въ стороны....“.

Былъ тоже случай съ новымъ исправникомъ. Онъ знакомился съ дворянами. Просидѣвъ у насъ вечеръ, онъ довольно рано выѣхалъ въ Кирьяковку, къ тамошнему владѣльцу Адаму Алексѣевичу Кирьякову. На другой день, отецъ мой, встававшій очень рано, слышитъ дорожный колокольчикъ. Къ крыльцу подъѣзжаютъ сани, и въ комнату входитъ исправникъ. И онъ и мой отецъ обавъ изумленіи.

— „Я у Адама Алексѣевича?“ спрашиваетъ исправникъ.

— „Нѣтъ, вы у меня“, отвѣчаетъ отецъ.

Исправникъ проѣздилъ всю ночь. Но тутъ случилось и еще одно недоразумѣніе, направившее его на ложный путь: нашу Пелеховщину въ простонародіи называли „Кирьячинковъ хуторъ“, а Кирьяковку называли „Майданъ“. И вотъ подъ утро исправника вмѣсто Кирьяковки проводили въ Кирьячинковъ хуторъ.

Было разъ, что и родители мои вмѣстѣ со мною, выѣхавъ изъ Петрашовки, въ двухъ верстахъ отъ насъ, въ свѣтлую мгlistую ночь, проѣздили часа четыре и пріѣхали въ Пелеховщину совсѣмъ съ другой стороны.

Въ этой степи, такой открытой, что вы сразу обнимаете ее всю вашимъ глазомъ, есть однако своя таинственность, своя загадочность. Эти безконечные горизонты заставляютъ васъ мечтать, и въ этихъ мечтахъ всегда есть отбѣнокъ

какой-то грусти. Это настроеніе слышится и въ малорусской пѣснѣ.... Все тутъ, кажется, ровно и гладко, а между тѣмъ тутъ есть мѣста, отмѣченныя народными преданіями и розказнями бывалыхъ людей. Вонъ тамъ къ югу, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины, виднѣется могила; ее называютъ Гайдамацкою, и старыя люди рассказывали, что тутъ, въ „тернахъ“, стояла когда-то гайдамацкая шайка и наводила ужасъ на всю окрестность. Когда это было, и на какую окрестность тутъ можно было наводить страхъ, когда не такъ еще давно это была совершенно голая степь,—этого никто не можетъ объяснить:—„Дѣды наши такъ рассказывали, а такъ ли оно было, кто его знаетъ?...“

А вотъ тутъ совсѣмъ недалеко отъ Пелеховщины, къ сѣверу возвышается „Острая могила“. Есть и въ другихъ мѣстахъ Острыя могилы, но эта считается почему-то особенно замѣчательною. Когда случается произнести это названіе, то васъ непременно спросятъ:—„Это какая же Острая могила?“, и на вашъ отвѣтъ, что это по дорогѣ изъ Горбовъ въ Мозолѣвку, близъ Пелеховщины, собесѣдникъ вашъ многозначительно протянетъ:—„А!“

Тутъ не задаются розысками, что такое эти могилы, и даже мало различаютъ ихъ отъ другого рода могилъ, которыя здѣсь называются „раскопанными“. Я не буду много говорить здѣсь объ этомъ, но мнѣ такъ много приходилось видѣть этихъ раскопанныхъ могилъ, что все-таки хочется сказать о нихъ слова два. Эти могилы не имѣютъ никакого отношенія къ обыкновеннымъ могиламъ—курганамъ. Это старинныя укрѣпленные пункты, видимо различной силы и различнаго значенія. Можно различить передовые посты и укрѣпленія второй линіи, обыкновенно болѣе сложныя, состоящія изъ двухъ или трехъ ямъ, обнесенныхъ высокимъ валомъ. Думаютъ, что это казацкія укрѣпленія, и подтверждаютъ это тѣмъ, что они видимо устроены для спѣшенныхъ кавалеристовъ, такъ какъ съ тыльной ихъ стороны всегда есть довольно длинный валъ, укрывавшій привязанныхъ за нимъ лошадей; кромѣ того иногда въ ямахъ попадаются земляныя насыпи для постановки пушки.

Очень вѣроятно, что казаки пользовались такими круглыми ямами, но если разобратъся, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ находятся такія укрѣпленія, и какъ они построены, то становится еще болѣе вѣроятнымъ, что это сторожевые посты какого-то очень древняго кочевого народа, мѣнявшаго свои кочевья изъ одной степи въ другую, напримѣръ, отъ бере-

говъ Сулы къ берегамъ Псла, и окапывавшаго мѣсто своего кочевья кругомъ такими сторожевыми постами.

Особенность всякой раскопанной могилы состоитъ въ томъ, что когда вы всходите на ея валъ, передъ вами въ одну сторону открывается огромное пространство, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ; обыкновенно это видъ на рѣку, на Днѣпръ, на Сулу и на зарѣчное пространство. Посмотрите въ стороны и непременно увидите вдали, и вправо и влѣво, такую же сторожевую могилу. Очевидно, это было основное правило ихъ расположенія.

Но и кромѣ могилъ въ степи всегда есть мѣста, отмѣченныя какими-либо происшествіями или чудесами. Вотъ тутъ около Пелеховщины есть перекрестокъ; когда возвращаешься домой въ ночное время, тамъ непременно увидишь что-нибудь несуразное. Однажды Иванъ Федорина, почтенный мужикъ, возвращался изъ Жовнина, съ ярмарки, и что же? на этомъ перекресткѣ у него выпрягли воловъ и пустили гулять въ поле, а онъ проспалъ себѣ посреди дороги въ незапряженномъ возу, къ стыду своему, чуть не до полудня. Когда онъ рассказывалъ объ этомъ сосѣдямъ, то всѣ единогласно рѣшили, что воловъ выпрягла вѣдьма, и что она не одному ему надѣлала хлопотъ: кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ большую бѣлую лошадь, напугавшую воловъ, которые взяли влѣво и чуть не вывалили хозяина въ ровъ. А кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ просто вѣдьму; хотѣлъ схватить ее за косу, но она во что-то превратилась, такое маленькое и быстрое, что ее никакъ и схватить нельзя было...

Говаривали у насъ и о кладахъ. Кто-то, когда-то давно, наканунѣ Ивана Купала, проходя мимо калиноваго куста въ господскомъ саду, вдругъ увидѣлъ въ полѣ, какъ разъ по направленію Острой могилы, горящую свѣчу. отошелъ немного въ сторону—свѣчи нѣтъ; вернулся къ калинѣ—опять горитъ; попробовалъ было идти къ свѣчкѣ—потухло; искалъ, искалъ того мѣста, гдѣ она горѣла, и найти не могъ... Люди рѣшили, что тамъ непременно зарытъ кладъ, да только парень не умѣлъ приняться за дѣло.

Этотъ рассказъ служилъ обыкновенно какъ бы введеніемъ къ другому, пожалуй болѣе достовѣрному. Проходилъ тутъ у насъ какой-то человекъ изъ Молдавіи или Валахіи, вообще откуда-то издадека, съ юга, и услышавъ, что наша могила называется Острою, задумался. Зналъ онъ гдѣ-то тамъ одного человека, выходца изъ этихъ мѣстъ,

и тотъ человѣкъ говорилъ ему, что въ степи, между Днѣпромъ и Сулою есть Острая могила. Эту могилу нетрудно найти, ее знаютъ всѣ люди; и вотъ если взойти на эту могилу и повернуться лицомъ къ полудню, то такъ, въ разстояніи одного гона отъ могилы будетъ другая низкая могилка, едва замѣтная, не всѣ люди ее и знаютъ, такъ вотъ въ этой-то могилкѣ и зарытъ большой кладъ...

Разсказали люди объ этомъ дѣлѣ моему дѣду, Петру Кирьяковичу. Это былъ человѣкъ спокойнаго, добраго и веселаго нрава. Онъ сначала не придалъ значенія этому разсказу; но присмотрѣвшись, что въ указанномъ мѣстѣ есть дѣйствительно чуть замѣтная могилка, онъ задумалъ было разрыть ее и посмотрѣть, не найдется ли въ ней и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь цѣннаго. Начали рыть; работали цѣлое утро; послѣ обѣда дѣдъ мой, по обыкновенію, прилегъ отдохнуть, и вотъ снится ему старый человѣкъ страннаго вида; стоитъ онъ, будто бы, у могилы и говоритъ ему: — „зачѣмъ ты тревожишь мои старыя кости, такъ долго и спокойно лежавшія въ этой могилѣ? Ты дѣлаешь большой грѣхъ, который не будетъ тебѣ прощенъ ни въ этой, ни въ будущей жизни...“

Проснулся дѣдъ, пошелъ къ рабочимъ, а тамъ ему какъ разъ и докладываютъ, что вырыли какія-то кости и что тутъ, должно быть, похороненъ какой-то человѣкъ. Это встревожило дѣда; онъ велѣлъ бережно положить кости на прежнее мѣсто и засыпать могилу. Съ тѣхъ поръ о кладѣ не было больше и разговоровъ.

Такова моя родная степь. Я записываю здѣсь мои раннія впечатлѣнія. Кто не знаетъ степи, тому едва-ли много скажутъ эти бѣглые наброски. Но тотъ, кому степь родная стихія, пожалуй, пробѣжитъ ихъ съ интересомъ и не поставитъ мнѣ въ упрекъ мои, можетъ быть, нѣсколько длинныя описанія.

II.

Я былъ первенцемъ у моихъ родителей. У насъ въ деревнѣ давно не видѣли господскихъ дѣтей, и потому, вѣроятно, всѣ наши люди, и малые и старые, относились ко мнѣ въ моемъ дѣтствѣ съ большимъ расположеніемъ. Иду, бывало, съ няней по улицѣ, и мальчишки издали провожаютъ меня съ веселыми лицами. Всѣ гладко выстри

женные, точно выбритые, съ чубомъ, оставленнымъ спереди надъ лбомъ и аккуратно обрѣзаннымъ въ видѣ четырехугольника. Тутъ и гигиена, и педагогика: на головѣ не будетъ паразитовъ, и есть за что схватить, если надо будетъ выдрать за волосы.

Встрѣчающіеся взрослые люди съ длинными усами, бритыми щеками и подбритыми висками и затылкомъ, норовили иногда подхватить меня на руки и ловко подкинуть, чтобы выросъ изъ меня высокій парень. Старики ласково смотрѣли на меня и кивали головою изъ-за своихъ плетней.

Было у насъ въ Пелеховщинѣ въ то время два древнихъ старца: дѣдъ Хома Дуброва и дѣдъ Яковъ Позывайло, или, какъ его у насъ называли, Якивецъ. Оба они были сѣдые какъ лунь и носили широчайшіе штаны „съ матнею“, собиравшіеся у ступни на завязкахъ и больше похожіе на женскую юбку, чѣмъ на штаны; на ногахъ у нихъ были „постолы“, то-есть куски кожи, обертывавшіе ступню и прикрѣпляемые ремешками. Лѣтомъ и тотъ и другой сидѣлъ у себя на завалинкѣ въ сѣрой смушковой шапкѣ и грѣлся на солнцѣ.

Дѣдъ Хома былъ какъ будто немного пониже ростомъ и больше охотникъ до бесѣды; дѣдъ Яковъ былъ покрупнѣе и не такой рѣчистый. Ничѣмъ другимъ впрочемъ они не были особенно замѣтны; просто были очень старые люди, но они передали свои имена потомству. И у того и у другого было по сыну, и cadaго изъ этихъ сыновей звали Павломъ. И вотъ, одному Павлу дали, по-уличному, названіе Павло Хоменко, а другому Павло Яковенко. Такъ съ тѣхъ поръ Хоменки и Яковенки и не выводятся у насъ въ Пелеховщинѣ.

Отъ этихъ двухъ старыхъ людей получилъ я первыя свѣдѣнія изъ исторіи Пелеховщины и изъ исторіи моего рода.

— „Вы, дѣдъ Хома, пожалуй знаете такимъ же маленькимъ и ихъ папеньку?“—спрашиваетъ кто-нибудь.

— „Папеньку?... Дмитрія Петровича?“—встрепенувшись, спрашиваетъ Хома,—„хе—е! да я помню такимъ и его дѣдушку, Петра Кирьяковича; я уже былъ полупарубкомъ, какъ онъ родился.... Мы служили еще тогда покойному нашему барину Кирьяку Александровичу и разумной нашей барынѣ Варварѣ Ивановнѣ.... Эхъ, давно это было“,—вздыхаетъ Хома,—„мы жили еще тогда въ Шуваловкѣ..“

— „И—и, разумная была барыня“,—протягиваетъ какъ бы нехотя Якивецъ. — „Отъ тожъ она, послѣ смерти Кирьяка Александровича, и выѣхала съ сыномъ своимъ Петромъ Кирьяковичемъ, жить сюда въ степь. Она часть усадьбы намъ отвела, и господскій домъ построила...“

— „Мы барыню Варвару Ивановну помнимъ“,—говорятъ слушатели, кто постарше. — „Хозяйка была покойница; сидитъ бывало въ креслѣ, на боковомъ крыльцѣ, дѣвушки тутъ около нея работаютъ, а она все видитъ и все знаетъ, что дѣлается на деревнѣ. И всѣмъ она распорядится, и никого она напрасно не обидитъ... Тутъ же она у насъ на кладбищѣ и похоронена...“

Была у насъ тогда въ Пелеховщинѣ и еще одна живая душа, не только помнившая мою прабабку Варвару Ивановну, но и ближе всѣхъ ее знавшая. Это была старая престарая баба Хотина, бывшая ея горничная. Любопытная это была старуха, совсѣмъ не дряхлая, худая, прямая, подвижная и какъ бы сохранившая еще свою дѣвическую юркость. Не было у нея ни одного зуба, и подбородокъ иногда высоко поднимался къ носу, но это не мѣшало ей быть очень говорливой. Говорила она какъ-то истово, чинно... Въ ея многоглаголаніи не все было достовѣрно и дѣльно, но иногда ея рассказы были очень любопытны. Жила она у насъ въ домѣ, на такомъ же положеніи, какъ жила въ старину при покойной своей барынѣ; никакой работы отъ нея не требовалось, но она съ чрезвычайной охотой дѣлала все, что только было ей подъ силу.

У насъ въ Пелеховщинѣ и до сихъ поръ еще есть своего рода памятникъ бабѣ Хотинѣ. Возвращалась она какъ-то, еще въ молодости, въ вербную субботу изъ Броварокъ, гдѣ мои предки были тогда прихожанами, и не далеко отъ деревни, въ полѣ, воткнула въ сырую землю одинъ изъ прутиковъ освященной вербы. Прутикъ разросся въ высокое развѣсистое дерево еще при жизни бабы Хотины. И теперь еще стоитъ эта старая верба, лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ смерти старой бабы... Падали отъ дряхлости ея боковые стволы, но всегда на ихъ мѣстѣ начинали зеленѣть новые побѣги.

Хотина появлялась въ комнатахъ обыкновенно въ то время, когда для нея и для моей милой няни приносили обѣдъ или ужинъ. Набожно перекрестившись, чинно садились обѣ онѣ на полъ, передъ стоящей на полу же, на подстилкѣ мискою, и начинали ѣсть. Очень часто приса-

живался и я туда же, ко вкусному борщу съ сухими карасями и къ пшенной кашѣ на постномъ маслѣ, и слушалъ ихъ разговоры. Няня моя была тихая женщина, и болтала больше Хотина. Она посвящала свою собесѣдницу, поставмуцкую уроженку, въ наши пелеховскіе порядки. Она говорила о своей бывшей барынѣ какъ о какомъ-то верховномъ распорядителѣ всякими дѣлами. У прабабушки было два сына, Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ, у сыновей были дѣти, и все это тяготѣло къ прабабушкѣ, какъ къ центру. Жили они въ селѣ Шушваловкѣ, верстахъ въ десяти отъ теперешней Пелеховщины. Тамъ было наследственное имѣніе моего прадѣда Кирьяка Александровича, мужа Варвары Ивановны.

Въ нашей степи между Острой и Гайдамацкой могилами, стояла одна только хатка, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь долина и большая верба въ господскомъ саду, и жилъ въ ней человѣкъ по имени Пелехъ.

Когда умеръ старый Кирьякъ Александровичъ, а сыновья Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ поженились, выѣхала съ ними Варвара Ивановна на жительство въ степь. Петръ Кирьяковичъ поселился у долины, гдѣ жилъ Пелехъ, отъ этого и теперешнее названіе деревни Пелеховщина, а Иванъ Кирьяковичъ ближе къ Гайдамацкой могилѣ, недалеко отъ которой были небольшія заросли дикаго терна и дикихъ вишенъ. Это мѣсто такъ и называли Вишеньками.

Прабабушка поселилась у младшаго сына въ Пелеховщинѣ; но вишеньковскіе господа чуть не ежедневно прѣзжали или приходили на поклонъ къ Варварѣ Ивановнѣ и ничего не предпринимали, не испросивъ ея согласія или совѣта.

Много рассказывала Хотина и о теткѣ Настасіи Петровнѣ, и о моихъ Вишеньковскихъ дядяхъ и тетяхъ, но, кажется, не всѣ ея рассказы были достовѣрны. Многое она путала. Отъ нея я знаю однако, что дядя Иванъ Ивановичъ былъ въ свое время очень рѣзвымъ мальчикомъ, что тетка моя Настасья Петровна была довольно балованной дѣвушкой, и что отецъ мой былъ любимцемъ своей бабушки.

Въ домѣ у насъ висѣлъ портретъ Варвары Ивановны, масляными красками, погрудной. Она изображена уже старухой съ очень умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Я бережно храню этотъ портретъ и теперь въ Пелеховскомъ домѣ. Баба Хотина рассказывала мнѣ, что писалъ этотъ портретъ бро-

варскій діако́нъ, отецъ Демьянъ, и подробно описывала, какъ онъ прѣзжалъ для этого въ Пелеховщину, и гдѣ и какъ прабабушка садилась въ кресло для сеанса. Должно быть, этотъ дьяко́нъ Демьянъ былъ очень одаренный художникъ, такъ какъ прабабушка смотритъ съ холста, какъ живая.

Я помню еще и это кресло Варвары Ивановны: какое-то складное изъ многихъ перекрещивающихся фигурныхъ рѣшетинъ, вообще что-то очень стародавнее. Должно быть въ такихъ креслахъ сиживали въ старину казацкіе чиновные люди. Къ сожалѣнію, это кресло куда-то безслѣдно пропало.

Остались у насъ и другія вещественныя воспоминанія о прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ: это—книга „Житіе Варвары великомученицы“, старинной кievской славянской печати, и толстый молитвенникъ, тоже кievскаго изданія, по которому она ежедневно совершала свои молитвы.

Вотъ то, что доходило до меня о моихъ предкахъ по слухамъ и по случайнымъ воспоминаніямъ. Позднѣе я гораздо основательнѣе ознакомился съ моею родословною. Этимъ вопросомъ очень интересовался мой отецъ, и онъ одинъ, кажется, изъ всѣхъ Бутовскихъ хорошо зналъ исторію нашего рода. Онъ вспомнилъ какъ-то, когда мнѣ было уже лѣтъ 13—14, и когда я учился въ корпусѣ, что въ началѣ столѣтія были собраны матеріалы о нашемъ родѣ, для утвержденія насъ, гдѣ слѣдуетъ, въ званіи родовитаго потомственнаго дворянства; онъ сталъ дѣятельно ихъ розыскивать и у себя и у другихъ представителей нашей фамиліи.

Документы нашлись. Назывались они „Списокъ, родословная и доказательства на дворянство Хорольскаго повѣта помѣщиковъ Бутовскихъ. Сочиненъ марта дня 1801 года“. Помню, что, прѣхавъ лѣтомъ на каникулы въ 1851 году, я съ любопытствомъ ихъ разсматривалъ вмѣстѣ съ отцомъ.

Я бережно храню теперь эти старыя бумаги, и на основаніи ихъ могу дать нѣсколько несомнѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ предкахъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).